"Вестник" №3(236), 1 февраля 2000

Виталий ОРЛОВ (Нью-Йорк)

СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ВИННИЦЫ

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАТАНА АЛЬТМАНА

Это есть художник Альтман,
Очень старый человек.
По-немецки значит Альтман -
Очень старый человек.
Он художник старой школы,
Целый свой трудился век,
Оттого он невеселый,
Очень старый человек.
Осип Мандельштам

Это восьмистишие помнили все друзья и приятели Мандельштама. Натан Альтман в тогдашних петербургских богемно-литературных салонах был очень популярен. Мандельштам читал эти стихи сотни раз, давясь от смеха, но с напускной важностью и с сильным немецким акцентом: "ошэн стари шэловэк".

Н. Альтману было от чего быть невеселым, но только не от того, что он - художник старой школы. Уже произведения раннего периода, созданные под влиянием кубизма, графически отточены, эффектны по композиции. Н.Альтман создал большое количество произведений в самых разнообразных жанрах - как живописец, график, скульптор. Его кисти принадлежат превосходные портреты, пейзажи, натюрморты, жанровые картины, композиции, скульптурные рельефы. Он работал и как рисовальщик, иллюстратор книг, плакатист, как один из пионеров в области промышленной графики. Так же, как и его великие современники Шагал, Малевич и другие, Н.Альтман участвовал в осуществлении плана монументальной пропаганды и массовых празднеств, оформляя революционные праздники в Петрограде (1918) и Москве (1921-1928). Он был также выдающимся художником театра и кино. Принципы конструктивизма и кубизма Н.Альтман использовал как некий орнаментальный соус к исконному традиционному реализму. "Левизна Альтмана есть именно перец на традиционности его искусства, - писал Абрам Эфрос, классик советского искусствоведения. - Альтман всегда держится на линии золотого разреза движения: все у него очень современно - но не слишком современно, очень крайне - но не слишком крайне; это вполне левые вещи, выставленные для вполне передового зрителя, но не в "салоне отверженных", а в музее".

Великого русского поэта Ахматову рисовали многие художники. Мне особенно нравятся ее портреты, сделанные Кузьмой Петровым-Водкиным и Амедео Модильяни. Но самым выразительным и самым привлекательным портретом Анны Андреевны является, пожалуй, знаменитый портрет работы Натана Альтмана. Он познакомился с Ахматовой в известном в Петербурге поэтическом кафе "Бродячая собака" в 1913 году. Здесь собирались самые модные поэты, композиторы, художники, и жизнь богемы била ключом. Им было тогда по 24 года: неотразимой красавице, гортанным голосом читавшей свои стихи Анне Горенко-Гумилёвой и скромному, но уже известному художнику-еврею, автору только что сделанной серии работ "Еврейская графика", Натану Альтману. Оба незадолго до этого, в 1910-1911 годах побывали в Париже. Вряд ли они встречались там, но совершенно точно, что оба познакомились в Париже с Модильяни, и это значит, что когда в 1914 году Альтман предложил Ахматовой написать ее портрет, она уже была владелицей потрясающего модильяниевского рисунка, который однако Альтман видеть не мог: Анна Андреевна, молодая жена Льва Гумилёва, никому не могла его показывать.

Сначала Н.Альтман одним росчерком сделал дружеский шарж, сегодня малоизвестный. Знаменитый портрет появился позже. С портрета Н.Альтмана предстает глубокий и далеко не открытый для легкого прочтения психологический абрис характера поэта. Полотно Н.Альтмана полно тишины и трудных раздумий героини. Сложный и четко разработанный графический рисунок полотна как бы повторяет сложные ритмы прекрасных поэтических строк. Но тишина и покой картины - предгрозовые, полные тревожного ожидания. Портрет Ахматовой стал сенсацией на одной из художественных выставок в Петербурге в 1915 году. Известный критик Л.Бруни писал, что "это не вещь, а веха в искусстве".

Н. Альтман прожил долгую и тревожную жизнь. Уже сформировавшимся художником он встретил революцию 1917 года. Как и Мейерхольд, Маяковский и другие он мечтал о новом искусстве, о свободной России. Но Мейерхольда расстреляли, Маяковский убил себя сам... Судьба Н.Альтмана более счастливая, если можно говорить о счастье еврея при советской власти, - его не расстреляли. Он умер 12 декабря 1970 года и похоронен на маленьком кладбище в поселке Комарово под Петербургом. Судьба распорядилась так, что его могила - рядом с могилой Анны Ахматовой, которую он пережил только на 4 года.

А родился Натан Исаевич Альтман в Виннице, на Украине, 22 декабря 1889 года. Ему было 4 года, когда от туберкулеза умер отец, а вскоре и дед, возглавлявший семью после смерти отца. Его несчастная мать, не выдержав житейских неурядиц, устав от страха погромов, сбежала за границу, и маленький Натан остался жить с бабушкой. Несмотря на драматическую ситуацию в семье, он, проявив неординарные способности, решает учиться рисованию и в октябре 1902 года приезжает в Одессу и вскоре поступает в прославленное Одесское художественное училище. Здесь Натан одновременно учится на живописном отделении у К.К Костанди и Г.А.Лодыженского и на скульптурном - у Л.Д.Иорини и И.Н Мармонэ. В 1907 году Н.Альтман заканчивает училище. С 1906 по 1910 год он живет в Одессе, а потом решает ехать в Париж, чтобы продолжить там свое образование. В конце 1910 года по дороге в Париж Альтман посещает Вену и Мюнхен, и там впервые попадает в художественные музеи. В Париже, живущем бурной художественной жизнью, он знакомится с молодыми художниками-авангардистами, среди которых большинство выходцев из России: Марк Шагал из Витебска, Александр Архипенко из Киева, Осип Цадкин из Смоленска, Давид Штеренберг из Житомира, Хаим Сутин. Молодые художники с отчаянной смелостью экспериментируют с формой, по вечерам собираются в кафе, обсуждая работы друг друга, почти ежедневно основывая новые "измы" и направления. Примкнув к "монпарнасской школе", Н.Альтман в Париже продолжает учиться в "Свободной русской Академии" (Академии Васильевой).

"Переболев" за два года, проведенных в Париже, импрессионизмом и потом фовизмом с его поисками интенсивного цвета, он ищет свой путь в искусстве, выставляет в 1911 году свои работы в парижском "Салоне национального общества изящных искусств". В его 22 года это была уже не первая выставка, в которой он участвовал. Еще в 1906 и в 1910 годах он принимал участие в выставках в Одессе.

В первый свой приезд в Париж он пробыл здесь недолго и в 1911 вернулся в Винницу. Все это время Н.Альтман очень много работает: в Париже он пишет несколько пейзажей и портретов ("Портрет революционного студента"), а в Виннице - такие разные вещи, как картину "Еврейские похороны" - печальное, полное тоски воспоминание о смерти деда, и серию карикатур на своих земляков, которую издает отдельной книгой под названием "Винница в карикатурах" (1912). К этому времени относится и работа Н.Альтмана в Винницком городском театре в качестве главного художника.

Но и в Виннице Альтман пробыл недолго. Его влекло в гущу художественной жизни, и он начинает подумывать о переезде в Петербург. Чтобы еврею получить "вид на жительство" в Петербурге, нужно было стать, например, ремесленником. Для получения соответствующего диплома Н.Альтман едет в Бердичев и в бердичевской ремесленной управе сдает экзамен на живописца вывесок. С дипломом ремесленника 23-летний художник в конце 1912 года приезжает в Петербург, где он устроился работать подмастерьем в витражную мастерскую.

С тех пор он живет в Петербурге, покидая его довольно часто и иногда надолго: Москва, Париж, Винница, а также Пермь и Новосибирск в годы войны. Но звездные часы его творчества навсегда теперь связаны с этим городом.

В северной столице, как и в Париже, бурлят художественные страсти. То и дело возникают и рушатся творческие союзы, художники объединяются и разъединяются на разных творческих платформах. Жизнь богемы проходит в поэтических салонах и кафе: "Бродячая собака", "Привал комедиантов". Именно в кабаре "Привал комедиантов" в 1916 году состоялся дебют Н.Альтмана как театрального декоратора. К этому времени был уже автором "Еврейской графики" (1913), серии полуфантастических анималистских рисунков и сенсационного портрета Ахматовой. Н.Альтмана приглашают участвовать в выставках, оформлять книги поэтов, с которыми завязывается дружба. Футурист Велимир Хлебников удостаивает его звания "Председатель земного шара". Впрочем, звание это ни к чему не обязывало, а вот участие в выставках "Мира искусства" (1913, 1915-1916), "Бубнового валета" (1916), "0, 10" (1915-1916), "Союза молодежи" (1913-1914), на шести экспозициях которого представляли свои произведения все крупные мастера русского "авангарда", закрепляет за ним прочное место среди ведущих мастеров русского искусства. К этому же времени относятся его удачи и в скульптуре, среди которых "Автопортрет" (1916) - новаторское произведение, заставляющее вспомнить бронзовые шедевры Родена и Майоля.

Увлеченный, как и многие его современники, идеями революции, Н.Альтман после 1917 года редактирует первую советскую газету по вопросам искусства - "Искусство коммуны", руководит созданием Музея художественной культуры, пишет портреты видных большевиков, и в их числе барельеф и бюст Луначарского. Первому наркому культуры понравилась работа художника, и он уговаривает Ленина поручить Н.Альтману сделать его портрет. Ленин заочно уже знаком с художником: он утвердил сделанный им эскиз флага РСФСР. Шесть недель провел художник в кабинете Ленина и в июне 1920 года закончил его скульптурный портрет, который через пять лет на парижской выставке завоевал Золотую медаль. В 1921 году Н.Альтман переехал в Москву, так как распоряжением Луначарского был назначен руководителем отдела ИЗО Наркомпроса. Здесь он знакомится с Горьким, в его мастерской бывают Бабель, Эренбург, Есенин. В 1922 году Н.Альтман принимает участие в "Выставке трех". Это Н.Альтман, Д.Штеренберг, М.Шагал: художники, в разное время работавшие в ГОСЕТе, - Еврейском театре, руководимом режиссером А.Грановским и актером С.Михоэлсом. Первая работа художника в ГОСЕТе - это, по-видимому, постановка в 1921 году "Мистерии - Буфф" Маяковского на немецком языке для делегатов III Конгресса Коминтерна. 9 апреля 1922 года в ГОСЕТе была премьера "Уриэля Акосты" (вторая редакция: первую в 1919 году оформлял М.Добужинский) с декорациями Н.Альтмана, который как художник сменил в театре Марка Шагала. В этом же 1922 году состоялась еще одна премьера, оформленная Н.Альтманом, - "Гадибук" в театре-студии "Габима" в постановке Е. Вахтангова. Оба спектакля имели большой резонанс. Успешная совместная работа в ГОСЕТе Грановского, Михоэлса, Альтмана и композитора Пулвера натолкнула их на мысль снять вместе фильм. Сценарий был написан по Шолом-Алейхему и назывался "Еврейское счастье". Автором титров был Исаак Бабель. В 1925 году съемочная группа направилась на выбор натуры. По предложению Н.Альтмана группа приехала в его родную Винницу, неподалеку от которой сохранилось еврейское местечко Иерусалимка в том первозданном виде, в каком подобные поселки были еще при Шолом-Алейхеме...

В первый же приезд киногруппы в Винницу Н.Альтман и С.Михоэлс посетили мастерскую Ц.Лошака - ученика Н.Альтмана, сменившего его в городском театре на посту главного художника в 1912 году, когда Альтман уехал в Петербург, и пригласили его на должность художника в снимающемся фильме. Сохранилась фотография, на которой на съемочной площадке запечатлены Эдуард Тиссэ, Натан Альтман, Цаль Лошак, Роберт Фальк и Соломон Михоэлс. Идет съемка фильма "Еврейское счастье" по Шолом-Алейхему. На переднем плане стоит мальчик в костюме Мотеле. Это Миша Лошак, сын Цаля, тоже художник, только очень юный, одетый как бы для участия в съемках.

...В бруклинской квартире Михаила Цальевича Лошака, ныне известного художника, я слушаю его неторопливый рассказ о тех далеких днях. Воспоминания о них сохранила его цепкая художническая память.

- Киногруппе понадобился художник-исполнитель для изготовления декораций на месте, и Н.Альтман вспомнил о своем ученике - моем отце. За несколько дней до начала съемок двор дома, где мы жили, заполнили декорации и реквизит: вывески "Кошерная еда Срулик Довбинштейн", "Еврейская кухня с ночлегом", полосатая будка постового городового и многое другое. Мне было шесть лет, и я сгорал от желания увидеть, как делается "настоящее кино". Место съемок было оцеплено конной милицией, и посторонних не пускали, но я был сыном участника съемок, и для меня препятствий не было. Я увидел волшебный мир актеров вблизи: усатый городовой с постовым милиционером стояли у киоска Хаима Штейнгардта и мирно попивали сельтерскую воду. Мне хотелось всюду поспеть и все увидеть и, конечно, я всем мешал. Соломон Михайлович Михоэлс накричал на меня, и меня зареванного отвели домой. Но на следующий день Михоэлс спросил: "А Михеле пришел? Напрасно мы вчера обидели малыша. Я без него не могу работать!"

Афиша фильма "Еврейское счастье" 1923 г.

С. Михоэлс, А.Грановский, Н.Альтман, Г.Гричер-Чериковер - сценарист и постановщик фильма "Еврейское счастье", - а потом и И.Бабель и Р.Фальк (Р.Р.Фальк был художником в фильме "Кровавый потоп", 1927г., который снимался здесь же - В.О.) *стали завсегдатаями нашего дома. Однажды Михоэлс и Альтман застали меня за рисованием библейских сюжетов. К тому времени я уже 3 года, вместе с домашним учителем - меламедом - постигал Талмуд и пытался переложить его на изобразительный язык. "Я думаю, художником будешь, - сказал Натан Исаевич, - отцовская хватка". Соломон Михайлович добавил: "Но постарайся стать еврейским художником!"*

Субботний день все они проводили в нашей семье. Я навсегда запомнил эти застолья. Рассказы наших гостей искрились остроумием. Сколько было еврейских рассказов, побасенок, притчей и анекдотов. Моя мама Ольга Моисеевна старалась блеснуть своим кулинарным искусством: фаршированная куриная шейка, нашинкованная редька с гусиным салом и шкварками, утка, запеченная с начинкой и, конечно, фаршированная рыба - мамина "гефильте фиш" - были выше всяких похвал. Соломон Михайлович сделал шуточное распоряжение: меню не менять в течение всей командировки, а Натан Исаевич, повидавший к тому времени уже свет, едавший фирменные блюда парижских ресторанчиков, сказал, что лучше всех готовила его бабушка, а Ольга Моисеевна - кудесница #2.

Конечно, тогда я не все понимал и не все запомнил, многое я узнал уже из рассказов отца.

У отца не было хорошего художественного образования, но он был начитан и горазд на выдумки и творчество. Когда Н.Альтман вернулся из Парижа с самыми свежими идеями в изобразительном искусстве, отец пошел к нему учиться и получил у него заряд на всю жизнь. Отца особенно увлекала сценография, и в местном театре он оформил множество драматических и оперных спектаклей.

Фильм "Еврейское счастье" на следующий год вышел на экраны, а кинематографисты еще несколько раз приезжали на съемки в Винницу. После их отъезда у нас в доме осталось много эскизов декораций и костюмов Аьтмана и Фалька с дарственными надписями, фотографий, альбомов, каталогов выставок и других реликвий. Когда Альтман во второй раз попал за границу, он прислал отцу из Германии 5 альбомов со шрифтами, которые невероятно помогали ему в работе. Всему этому не было цены. Но грянул 1938 год, и мой отец стал вдруг немецким и японским шпионом, и, кроме того, следователь НКВД выяснил, что на улице Коммунистической есть двор и дом, принадлежащий Лошаку, и он сдает в нем квартиры в наем. Позже оказалось, что этот Лошак к нашей семье не имеет никакого отношения. По иронии судьбы, это был как раз тот дом, в котором жил со своей бабушкой Натан Альтман. Начались обыски, и все эти эскизы, рисунки и альбомы с автографами моя мама, к сожалению, сожгла. К счастью, дело моего отца попало под пересмотр, и в 1940 году его выпустили, а мне удалось в этом году поступить учиться в Ленинградскую Всероссийскую Академию Художеств.

В Ленинграде мне довелось увидеться с Натаном Исаевичем еще раз. Однажды я пошел в БДТ им. Горького на спектакль "Король Лир" в постановке Григория Козинцева. К тому времени я уже несколько раз видел в ГОСЕТе Лира - Михоэлса, с которым дружил до самой его гибели. Художником спектакля был А.Тышлер. Мне не терпелось сравнить оба спектакля. И вдруг оказалось, что в БДТ "Лира" оформлял Альтман. После спектакля я разыскал Натана Исаевича, и мы долго сидели и вспоминали те незабываемые винницкие дни. Но моя история на этом не кончается. Уже в конце восьмидесятых годов, когда перестройка была в разгаре, и украинские власти сразу же после повышения своей зарплаты стали переименовывать улицы, группа винницких художников обратилась в областную администрацию с ходатайством переименовать улицу Коммунистическую, на которой жил Натан Исаевич, в улицу Альтмана.

- Цэ ж якый Альтман? - спросили у нас. - Чи нэ завуч сусидньойи школы? Художнык кажэтэ, наш зэмляк? Ни, нэ знаю. То будэ вулыця Кропивныцького.

Хорошим украинским актером был Марк Кропивницкий. Но никаким образом с нашим городом он не связан...

С 1925 по 1928 год Н.Альтман оформил еще несколько спектаклей в ГОСЕТе: "Доктор" по Шолом-Алейхему, комедия "137 детских домов" А.Вевюрко, опера-памфлет "Десятая заповедь"

В 1928 году Еврейский театр выезжает на длительные гастроли по Западной Европе. Вместе с театром едет и Н.Альтман, но в Москву театр возвращается уже без А.Грановского, который навсегда "задерживается" заграницей, и без Н.Альтмана, на этот раз на 7 лет оставшегося в Париже.

Как будто и не было этих более чем полутора десятков лет разлуки с любимым городом: прежняя кипучая жизнь, старые друзья, новые идеи и работа, работа, работа...

Новые картины Н.Альтман показывает на парижских выставках общества "Молодая Европа" (1932) и "Ассоциации революционных писателей и художников" (1934, 1935). В Москву он возвращается только в 1935 году. Как разительно изменилась здесь жизнь за это время! От художника теперь требовали писать большие идеологически закругленные полотна о сталинских победах. Этого Альтман не умел, а писать что-то другое стало опасным для жизни. В сталинских застенках один за другим исчезали его друзья: писатели, режиссеры, художники. С этого времени и уже до конца жизни из творчества Альтмана почти полностью исчезает станковое искусство: полная поэзии и света картина "Лесной проспект" (1940), несколько пермских пейзажей (1944), "Портрет жены" (1963), начатый еще в 1936 году - вот, пожалуй, и все. Чтобы как-то заработать на жизнь, он работает в графике, иллюстрирует множество самых разнообразных книг. Среди наиболее интересных работ этого периода - иллюстрации к "Петербургским повестям" Н.В.Гоголя, изданные в 1937 г. Гениальность Гоголя была так велика, что и Н.Альтман, и М.Шагал, и некоторые другие художники-евреи, вдохновленные его прозой, вероятно, прощали ему его антисемитские эскапады. Но главное для него в это время - работа как художника-декоратора в театрах Ленинграда, куда он вернулся в 1936 году после года жизни в столице. Спектаклем БДТ "Король Лир" начинается его длительная и плодотворная работа с театральным и кинорежиссером Григорием Козинцевым над шекспировскими образами.

Начало войны застало Н.Альтмана в Ленинграде. Четыре года эвакуации он провел в Перми и недолгое время - в Новосибирске. В Перми он работает с ленинградским Кировским оперным театром, в том числе с Г.Козинцевым над постановкой "Отелло" Верди, а для армейской газеты "Звезда" рисует карикатуры на Геббельса и других важных представителей Третьего рейха.

Вернувшись после окончания войны в Ленинград, Н.Альтман продолжает работать над книжной иллюстрацией и над оформлением спектаклей. В 1948 году он сделал превосходные иллюстрации к Шолом-Алейхему. В этом же году был убит его друг Соломон Михоэлс. Вместе с Г.Козинцевым в Ленинградском театре драмы им. А.С.Пушкина Н.Альтман создает спектакль "Гамлет" (1954), а в 1955 году ставит с ним художественный фильм "Дон Кихот" по сценарию Е.Шварца. Обе постановки имели большой общественный резонанс Но это был последний публичный успех Н.Альтмана, если не считать огромного интереса зрителей к персональной выставке его произведений в 1969 году во время "оттепели", которая, правда, уже быстро шла на спад. Следующая персональная выставка Натана Альтмана, также вызвавшая большой интерес, состоялась в 1977 году в Москве, в Доме художника. Но уже посмертная.

Смотри также:

- **В. Орлов.** Сын утерянного города (Илья Шенкер) (Вестник #1(234), 2000)
- **В. Орлов.** Берлинский сецессион (Вестник #25(232), 1999)
- **В. Орлов.** "Брожу ли я вдоль улиц шумных" (Виктор Заг) (Вестник #22(229), 1999)
- **В. Орлов.** Витебск, Дзержинского, 11 (Вестник #20(201), 1998)